

Консультации Владимира Харитоновича Василенко за рубежом

В. С. Маят (Москва)

Мое знакомство с Владимиром Харитоновичем Василенко состоялось осенью 1949 г. в Китае. В послевоенное время он, как известно, возглавлял кафедру пропедевтики внутренних болезней I Московского медицинского института, а в Пекин был направлен в длительную командировку. Наша деятельность в Китае началась с диспансеризации членов правительства, и первая встреча произошла тогда в скромной квартире Мао Цзе-Дуна 2 ноября 1949 г., куда мы вместе с профессором Н. В. Ковалевским, доцентом В. Г. Беззубиком и другими советскими врачами приехали для осмотра нашего первого пациента. Это был 56-летний мужчина с маскообразным лицом. На всех нас он произвел весьма благоприятное впечатление — был вежлив, контактен и охотно отвечал на вопросы. Осмотр пациента продолжался около 1 ч, после чего нас пригласили обедать. Сам Мао Цзе-Дун, сославшись на усталость, на обеде не остался и трапезу возглавила его жена — известная актриса, которая читала нам стихи, тут же переводившиеся на русский язык в прозе. Впоследствии мы встречались с Мао Цзе-Дуном лишь в официальной обстановке, во время торжественных собраний, на банкетах. Несмотря на сложные жизненные пережития, тогда еще Председатель был относительно здоровым человеком, за медицинской помощью обращался крайне редко и умер, как известно, спустя много лет, только в 1976 г., 83 лет от роду.

На следующий день, 3 ноября 1949 г. мы осмотрели главнокомандующего Народной освободительной армией Китая маршала Чжу Дэ. Это был пожилой человек 63 лет, добрый, живой и веселый. В последующем мы с Владимиром Харитоновичем неоднократно с ним встречались, часто приезжали к нему запросто на дачу с женами, вместе с ним фотографировались и много беседовали. У всех нас Чжу Дэ оставил впечатление истинного друга советских людей, среди которых он прожил в Советском Союзе 1925 и 1926 гг.

5 ноября того же 1949 г. мы собрались, чтобы осмотреть Лю Шао-Цы, секретаря ЦК КПК, заместителя Председателя Центрального народного правительства КНР. Он был тогда и вице-председателем Всемирной федерации профсоюзов и председателем Центрального правления общества китайско-советской дружбы. Выглядел этот человек молодо. Худой, подтянутый, он всегда производил на нас очень хорошее впечатление прежде всего своим благосклонным отношением к советским людям.

На следующий день, 6 ноября, мы не работали, так как в Пекине состоялось торжественное собрание, посвященное Великой Октябрьской социалистической революции, а 8 ноября — встреча советских специалистов с руководителями КНР на званом ужине. 9 ноября осмотр членов правительства продолжался. На этот раз мы встретились с Чжоу Энь-Лаем. Это был высокоинтеллигентный человек, которому в ту пору был лишь 51 год. Он тогда стал премьером Государственного административного совета КНР, министром иностранных дел и заместителем председателя Бюро Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета. В последующем нам неоднократно приходилось с ним встречаться, и он неизменно производил впечатление человека глубокого, всегда дружелюбно настроенного к нашей стране.

Затем на упомянутой диспансеризации был сделан перерыв, только 12 ноября мы смотрели очередного пациента — Жень Би-Ши — почетного председателя ЦК Новодемократического союза молодежи Китая. Ему в ту пору было, пожалуй, лет 45, но, страдая тяжелой гипертонией, он выглядел очень болезненным. Несмотря на то, что жил он практически рядом с горами, в лесу, Жень Би-Ши часто выходил из строя. После лечения в СССР в санатории "Барвиха" ему стало заметно лучше, и он снова приступил к работе, но в следующем, 1950 г., его, увы, не стало.

Часто посещали мы Линь Бэ-Цюя, члена Политбюро ЦК КПК. Этот 63-летний пожилой человек был удивительно разносторонне образован, начитан. Визит к нему неизменно заканчивался изысканным обедом и хорошей умной беседой, в которой Владимир Харитонович с его общительным характером играл, как обычно, ведущую роль.

Мы обследовали как-то Линь Бяо, легендарного командующего 4-й полевой Народной освободительной армией Китая, освободившего Пекин. Этот стройный, высокий, худощавый человек, занимавший крупные военные посты в народных вооруженных силах, был в свое время тяжело ранен, и мы вместе с Владимиром Харитоновичем смотрели его в связи с этим.

Наша совместная с Владимиром Харитоновичем работа продолжалась и далее в этом же плане, и мы в процессе диспансеризации обследовали других известных деятелей КНР, а дальше шла обычная работа консультантов. Зимой 1949 г. Владимир Харитонович уехал в Москву сопровождать в поездке Мао Цзе-Дуна, но весной 1950 г. он снова вернулся в Пекин. В дальнейшем его работа носила чисто консультативный характер и пользовалась большой популярностью как среди китайских больных, так и среди советских специалистов, работавших тогда в Китае. Часто эти консультации превращались в консилиумы с участием хирурга и невропатолога профессора Н. С. Четверикова. Так мы проработали 1950–1951 гг., а в 1952 г. возвратились в Москву, где на протяжении последующих 35 лет общались с Владимиром Харитоновичем, как самые близкие друзья.

Так уж, видно, было угодно судьбе, что в последующие годы, даже десятилетия, жизнь продолжала сводить нас для совместной деятельности. Запомнились еще два эпизода, имевших место в совместных поездках с Владимиром Харитоновичем по зарубежным странам. В 1966 г. мы срочно вылетели с ним в Анкару для оказания помощи премьер-министру Афганистана Мейлавандвалю. Ранее этот больной был оперирован в Кабуле по поводу непроходимости кишечника, а в октябре 1966 г. — уже дважды (турецким хирургом) по поводу спаечной непроходимости. Сразу после прилета мы поехали в больницу. На консилиуме только английская речь, консультанты из разных стран. Помнится, мы составили бюллетень, в котором признали проводимое лечение правильным. На следующее утро мы вновь были приглашены на консилиум. Состояние больного было чуть-чуть лучше. Все турецкие газеты, подробно описывая состояние больного, известили о нашем прилете. Вечером того же дня нас пригласили на банкет, где мы лучше познакомились со своими коллегами турецкими врачами. На нас с Владимиром Харитоновичем они произвели очень

благоприятное впечатление. В течение последующих полутора недель шли ежедневные консилиумы. Наконец, состояние больного было признано не внушающим опасения, и мы могли считать себя свободными. Однако Владимир Харитонович, сопровождая больного, вылетел с ним в Кабул, где пробыл еще неделю, продолжая опекать его.

Наша следующая совместная поездка, также в экстренном порядке, состоялась к этому же больному в конце августа 1967 г., уже в Кабул. Состояние его после операции, произведенной канадским хирургом по поводу спаечной непроходимости, снова было довольно тяжелым. Каждый день созывались консилиумы и, наконец, была назначена новая операция, однако ее исход казался весьма сомнительным, и вот тут Владимир Харитонович предложил ввести больному зонд Эбботта–Мюллера. Далеко не все иностранные члены консилиума были согласны с этим предложением, многие продолжали настаивать на срочной операции, но в конце

концов было решено подождать еще 2 ч и, если зонд не окажет своего действия, оперировать больного. Но зонд, как и предполагал В. Х. Василенко, сыграл положительную роль – непроходимость разрешилась, пассаж по кишечнику налачился. Все были рады, а особенно, конечно, больной. Престиж Владимира Харитоновича настолько был высок, что все иностранцы (канадец, американец и француз) не говоря уже об афганских врачах, в один голос поздравляли его с успехом. Дальше все пошло быстро, больной стал поправляться, а через полторы недели мы смогли вылететь в Москву. Многочисленные иностранные специалисты поехали провожать нас на аэродром. Эти проводы были своего рода данью уважения к Владимиру Харитоновичу, на этот раз избавившему больного от операции. Через полтора года мы консультировали больного уже в санатории "Барвиха" и нашли его состояние хорошим.

